

УДК 159.9.07 + 316.6

Теория управления ужасом смерти: содержание и критика

Т.А. Гаврилова

Дальневосточный федеральный университет, ул. Некрасова 35, Уссурийск, Россия
tgavrilovaster@gmail.com

Статья поступила 5.10.2014, принята 20.11.2014

Представлен обзор содержания и критики англоязычных публикаций по теории управления ужасом Дж. Гринберга, Т. Пищинского и Ш. Соломона, приверженцев идей Э. Беккера, позиционирующих себя как основателей эмпирической экзистенциальной психологии. Освещаются теоретические предпосылки и положения, обобщаются основные гипотезы, экспериментальная методология, эмпирические данные и выводы относительно теории управления ужасом. Анализируются пять основных направлений критики данной теории.

Ключевые слова: тревога и страх смерти; теория управления ужасом; психологическая защита; самоуважение; культурное мировоззрение; эмпирическая экзистенциальная психология; эволюционная психология.

Terror management theory: content and criticism

T.A. Gavrilova

Far Eastern Federal University; 35, Nekrasov St., Ussuriisk, Russia
tgavrilovaster@gmail.com

Received 5.10.2014, accepted 20.11.2014

Review of the content and criticism of the English-language publications has been presented on Terror management theory developed by J. Greenberg, T. Pyszczynski and Sh. Solomon, adherents of E. Becker's ideas positioning themselves as the founders of empirical existential psychology. Theoretical background and propositions have been highlighted, main hypotheses, experimental methodology, empirical data and conclusions regarding the terror management theory have been summarized, Five main criticism of this theory have also been analyzed.

Key words: anxiety and death anxiety; theory for horror control; psychological defense; self-esteem; cultural worldview; empirical existential psychology; evolutionary psychology.

Теория управления ужасом (англ. *terror management theory* — ТМТ) была сформулирована в 1986 г. американскими психологами Джефом Гринбергом, Томом Пищинским и Шелдоном Соломоном (J. Greenberg, T. Pyszczynski, S. Solomon) [17; 35], которые определили ее как социально-психологическую теорию, основанную на идеях экзи-

стенциализма и экспериментальных данных. К настоящему времени ТМТ вдохновила около 300 [35] экспериментальных исследований в 15 странах (США, Канаде, Германии, Италии, Израиле, Нидерландах, Японии, Австралии, Иране и др.). В России опыт ее использования изложен в работах под руководством А.С. Щебетенко [12; 13]. Теория

приобрела в мире большое количество как стойких сторонников, так и непримиримых противников. Споры по поводу теории приобрели особую актуальность в связи с событиями 11 сентября 2001 г., после которых от авторов ТМТ перестали отмахиваться авторитетные научные журналы, и она стала предметом серьезного рассмотрения и интереса в самых широких кругах.

Идейным источником ТМТ явились работы известного антрополога Эрнста Беккера [18; 19] о фундаментальных мотивах человеческого поведения, в которых он сформулировал теорию производительной тревоги смерти (*generative death anxiety*). В качестве источника человеческой деятельности Беккер, в противовес Фрейду, выдвинул конфликт между инстинктом самосохранения и знанием о неизбежности собственной смерти. Фундаментальным мотивом человеческого поведения и существования, доказывал Беккер, является стремление человека любыми путями оградить себя от осознания смертности.

Развивая идеи Беккера, создатели теории управления ужасом также исходят из того, что сочетание у человека инстинкта самосохранения с сознанием личной смертности приводит к развитию *аннигиляционной тревоги* (термин Беккера), такого непереносимого качества, которое может быть охарактеризовано только как «парализующий ужас». И для того, чтобы выжить перед лицом такой ужасающей перспективы, люди, по видимому, были вынуждены придумать некие средства, позволяющие им не быть «парализованными» этим ужасом, благополучно жить и выживать. Таким средством авторы ТМТ, вслед за Беккером, считают культуру. Культура предстает здесь прежде всего средством массовой защиты от тревоги смерти, которой придается «генеративный» характер.

Оригинальность теории управления ужасом состоит в попытке доказать идею о генеративном характере тревоги смерти экспериментальным путем. Для этого была разработана оригинальная экспериментальная методология [36], в которой тревога смерти впервые в истории ее эмпирических исследований выступает в качестве независимой

переменной¹. В этих целях при помощи разнообразных манипуляций² у испытуемых актуализировалось осознание их неизбежной смертности, которое, как предполагалось, возбуждало потенциал³ для развития тревоги. Такая манипуляция была названа «очевидностью смертности» (*mortality salience — MS*), что по-русски может быть выражено как «напоминание о смертности». Все последующие после MS реакции и поступки испытуемых в рамках методологии ТМТ рассматриваются как порожденные тревогой смерти и, поскольку предполагается, что эта тревога может вызывать только защитные реакции, то зависимыми переменными в исследованиях выступают такие особенности поведения, которые трактуются как защищающие человека от парализующей до ужаса тревоги смерти. А именно, — особенности поведения, связанные с участием в культуре. К таким особенностям, во первых, было отнесено самоуважение.

Так, в одном из ранних исследований создателями ТМТ было обнаружено, что самоуважение и тревожность, измеренные как черты личности, отрицательно коррелируют друг с другом [26]. После этого и была разработана указанная выше специальная экспериментальная схема для более глубокой проверки этого соотношения и, в частности, для изучения соотношения самоуважения и тревожности уже как состояний. Проверка показала, что поддержка самоуважения испытуемых уменьшает их физиологическое возбуждение и самоотчетную тревогу в ответ на графические изображения смерти и болезненные удары током, а также уменьшает защитные искажения в отрицании уязвимости к ранней смерти [30].

Кроме того, было показано, что как экспериментально спровоцированное, так и

¹ До этого тревога смерти традиционно исследовалась исключительно как зависимая — от пола, возраста, личностных и социальных характеристик — величина.

² Например, просмотр документальных видеоклипов о натуралистических сценах смерти, пребывание около похоронных процессий, заполнение опросников об отношении к смерти, минисочинения о наиболее вероятных особенностях собственной смерти и т. п.

³ Именно «потенциал» для развития тревоги, а не само по себе состояние тревоги. Это принципиальная посылка ТМТ, связанная с дуальной моделью защиты человека от осознания своей неизбежной смертности.

естественно имеющееся у испытуемых высокое самоуважение уменьшает защитные ответы на напоминания о смерти [Там же]. Было обнаружено также, что после напоминания о смертности увеличивается тенденция испытуемых к повышению своего самоуважения. Так, например, те, кто высоко ценит свои водительские способности, начинают более рискованно вести автомобиль [50], а те, кто гордятся своей внешностью, начинают более сосредотачиваться на ней [25]. И вообще, после MS испытуемые чаще идентифицировались с успешными группами и дезидентифицировались от группы неудачников (например, [23]).

Второй и наиболее исследованной зависимой переменной в ТМТ стало культурное мировоззрение (cultural worldviews). Центральная гипотеза ТМТ состоит в том, что вера в то или иное принятое в данной культуре мировоззрение также служит предохранением от потенциальной тревоги по поводу смерти и что напоминания о смерти должны увеличивать усилия по поддержанию этой веры, усиливать ее защиту. Для проверки этой гипотезы после MS испытуемым предлагалось, например, оценить мнения и действия людей с противоположным культурным мировоззрением. Так, в первом исследовании [46] группе муниципальных судей после напоминаний о смертности предлагалось прочесть описание происшествия с проституткой и назначить размер залога (от 0 до 999 \$), достаточного для того, чтобы выпустить ее на свободу. Так вот, если в контрольной группе, которой не напоминали о смерти, средний размер залога был около 50 \$, то в экспериментальной группе он оказался в среднем 455 \$. Таким образом, осуждение проститутки как нарушительницы принятых культурным норм было более сильным после напоминания людям об их смертности. Такая же тенденция проявлялась и тогда, когда тем же судьям дополнительно предлагалось установить размер вознаграждения для женщины, которая задержала вора (3 476 \$ в экспериментальной группе по сравнению с 1 112 \$ в контрольной).

Большая часть подобных исследований продемонстрировала, что очевидность смертности увеличивает положительные реакции испытуемых на тех, кто поддерживает

или утверждает их мировоззрение, и отрицательные реакции на тех, кто нарушает или бросает вызов их мировоззрению [29; 30; 34]. Далее выяснилось также, что напоминание людям об их смертности в общем усиливает их просоциальное поведение (правда, только внутри своей культуры): после таких напоминаний увеличиваются приверженность культурным нормам и оценка роли социального согласия [44].

Так был сделан вывод о том, что эффектом MS является поведение, которое либо поддерживает самоуважение и веру в культурное мировоззрение, либо рассеивает любые угрозы, посягающие на эти два компонента щита против экзистенциальной тревоги [43]. Этим эффектом авторы объясняют широкий диапазон человеческого поведения, включая агрессию, национализм, предубеждения, просоциальность, рискованность, стремление к самоуважению, сексуальные и близкие отношения [36; 15].

Таким образом, первые экспериментальные исследования привели авторов к заключению о наличии специального интрапсихического «буфера», ограждающего человека от возбуждения экзистенциального ужаса смерти и включающего два компонента — самоуважение и культурное мировоззрение.

Третья гипотеза ТМТ явилась комбинацией двух предыдущих: усиление одного компонента буфера тревоги смерти должно ослаблять влияние напоминаний о смертности на «цепляние» за другой компонент этого буфера. Для проверки этой гипотезы испытуемым, получившим положительную или нейтральную обратную связь на личностный опросник, напоминали о смертности и затем предлагали оценить человека, который критиковал США. Оказалось, что испытуемые с нейтральной обратной связью по поводу своей личности проявляли более высокую степень отрицательных реакций на критика, чем те, у кого было искусственно повышено самоуважение путем положительной обратной связи об их личности [31]. Последующее исследование показало, что и люди с естественно сложившейся склонностью к самоуважению менее восприимчивы к угрозам их мировоззренческим убеждениям в условиях индукции очевидностью собственной смертности. Это еще раз, по мне-

нию авторов, доказывает защитную природу самоуважения, которое «разряжает» другие защитные эффекты в осознании собственной смертности [30].

ТМТ объясняет такие результаты тем, что культуры поддерживают убеждения людей в том, что вселенная является осмысленной и упорядоченной и содержат гарантии для буквального или символического бессмертия. И если ты соответствуешь и укрепляешь культурные ценности, это значит, что ты являешься ценным участником осмысленной вселенной и, таким образом, можешь себя уважать и надеяться благодаря этому на некий вид бессмертия. Самоуважение индивида рассматривается здесь как степень его соответствия тем или иным культурным нормам и мировоззренческим идеям. Если же кто-то посягает на принятый в его культуре смысл и порядок, то он, по сути дела, посягает на потенциальное бессмертие индивида, расшатывает его подсознательные защиты от ужаса смерти. Таким образом, напоминание о смертности создает два желания: во-первых — защищать и размножить свое мировоззрение, и во-вторых — увеличивать чувство собственного достоинства. Позднее была сформулирована и экспериментально обоснована модель дуального процесса защиты от сознательных и неосознаваемых мыслей о смерти [43; 16].

Дуальная модель защиты от тревоги смерти предполагает наличие двух неосознаваемых механизмов — «проксимальных» и «дистальных», действующих на различных когнитивных уровнях и имеющих различные цели и способы переработки. В целом процесс защиты представляется таким образом. При появлении в сознании мыслей о смерти, провоцирующих развитие негативного аффекта, они тут же начинают подавляться и вытесняться при помощи проксимальных механизмов защиты, которыми являются общепринятые благодаря психоаналитической парадигме способы вытеснения и подавления из сознания неприемлемых для него мыслей и чувств. Эти проксимальные защиты логически связаны с угрозой, прямо сфокусированы на ней и направлены на отрицание личной уязвимости к смерти посредством процессов рациональной переработки (типа «не меня и не сейчас»).

Дистальные защиты от тревоги смерти, или «буферы», вступают в действие после расслабления проксимальных и по своему содержанию логически не связаны с угрозой, являются скорее символическими. Они направлены на предотвращение возможности появления мыслей о смерти в зоне фокального внимания индивида, охраняют от бессознательных мыслей о смерти. К дистальным защитами авторы относят образования, связанные с самоуважением и культурным мировоззрением, и последователи находят все больше и больше их форм. Так, например, к дистальным защитами была отнесена встречающаяся у некоторых людей реакция отвращения к сексуальным отношениям, которая было понята как попытка этих людей дистанцироваться от своей животной природы и тем самым поддержать иллюзию отличия своей судьбы от неизбежно смертной судьбы животных [25]. Моделируя природу защит от тревоги смерти, авторы обращаются к современной когнитивной психологии и используют развиваемые в ней концепции двух типов процессов переработки информации: явного — скрытого, декларативного — процедурного, рационального — экспериментального [30, с. 4]. Аналогичную дихотомию они усматривают и в механизмах действиях в процессе дуальной защиты от тревоги смерти.

Концепция дуальной защиты поддерживается целым рядом экспериментальных данных, основанных на изучении доступности мыслей о смерти (*death thought accessibility*), обычно измеряемой посредством заданий на завершение двусмысленных словесных фрагментов. Например, *coff* можно закончить как *coffe* (*кофе*) или *coffin* (*гроб*). Оказывается, что сразу после напоминания о смерти доступность мыслей о ней ниже, чем после отсрочки, а особенно — после отсрочки, заполненной когнитивной нагрузкой. Показано также, что угрозы культурному мировоззрению увеличивают доступность мыслей о смерти, а поддержание мировоззрения или самоуважения ослабляют ее [17, с. 195–196].

Первая реакция на публикацию теории была презрительной. Рецензенты журнала «Американский психолог» нашли, что «эти идеи не представляют интереса ни для од-

ного психолога, живого или мертвого». В ответ на это авторы заметили, что, возможно, мертвых их теория и заинтересовала бы. И только после многочисленных экспериментальных подтверждений и публикаций данная теория стала рассматриваться серьезно, особенно после трагических событий 11 сентября 2001 г. Вместе с этим накал критики продолжает расти. Теория породила большое количество встречных исследований и теоретических дискуссий на страницах журналов, активизировала междисциплинарный синтез. Весь массив критики ТМТ можно разделить на пять основных направлений.

Наиболее последовательно ТМТ критикуется представителями эволюционной психологии. Они, во-первых, считают, что теоретические предпосылки ТМТ о наличии у живых организмов инстинкта самосохранения (выживания) не соответствуют выводам современной эволюционной биологии об итоговой приспособленности, согласно которой целью жизни является не выживание организмов, а наиболее благоприятное воспроизводство генетической информации [24; 35; 39–41]. Поэтому живые существа не всегда избегают смертельной опасности, а иногда просто игнорируют или даже идут на нее. В качестве примера приводятся лососи, которые яростно уклоняются от опасностей, плывя вверх по течению навстречу своей неминуемой смерти. То, что в популярной литературе именуют «инстинктом выживания», с точки зрения современной биологии является набором отдельных механизмов, каждый из которых предназначен для защиты от специфических опасностей. Более того, Л.А. Киркпатрик и К.Д. Наваррети (L.A. Kirkpatrick, C.D. Navarrete) [35] доказывают, что, даже если бы инстинкт выживания и возник в эволюции, он был бы неадаптивен и излишен. Так, для играющего в шахматы компьютера инструкция делать «хорошие» ходы и избегать «плохих» не имела бы практической ценности, так как не давала бы конкретного руководства насчет того, какие ходы являются «хорошими», а какие — «плохими». Вместо этого в компьютер вкладывается программа, содержащая многочисленные специализированные механизмы для оценки положений и угроз, по-

лучения преимущества, защиты короля и т. д. Точно так же психологический механизм, содержащий инструкцию «избегать смерти», не обеспечивал бы никакого руководства в определении того, как вести себя, чтобы достичь этой цели.

Авторы ТМТ не согласны с такими замечаниями и не находят в них противоречий со своими исходными идеями. Они отвечают, что использовали понятие «инстинкт» скорее в психоаналитической традиции и не настаивают на существовании унитарного инстинкта самосохранения. Для них он — это «общая ориентация к длительной жизни, которая выражается многочисленными телесными системами организма (например, сердцем, печенью, легкими и др.) в их тенденциях приближения или удаления (некоторые из них квалифицируются как инстинкты), которые обеспечивают выживание и воспроизводство, в конечном итоге приводя к передаче генов последующим поколениям» [36, с. 487]. Они отмечают, что генная репликация более вероятна при длинной жизни, чем при короткой — особенно у млекопитающих, которым надо больше времени для заботы о потомстве после его рождения. Более того, авторы ТМТ подчеркивают, что, независимо от того, для чего были отобраны определенные гены в ходе естественного отбора, люди знают, что они живы и хотят жить долго. По-видимому, утверждают они, по мере развития в онтогенезе символических способностей к наследственным паттернам реакций на определенные стимулы добавляются эмоциональные реакции, которые порождаются знанием о собственной смертности.

Второй упрек со стороны критиков-эволюционистов заключается в указании на прослеживаемое в ТМТ дисфункциональное понимание тревоги [35; 40; 49]. Авторов ТМТ обвиняют в том, что они не берут в расчет аргументы об адаптивной полезности тревоги, которые накоплены в рамках функционалистических теорий эмоций и согласуются с современной эволюционной биологией. Так, те же Киркпатрик и Наваррети [35, с. 290–292] доказывают, что парализующий страх смерти не мог бы закрепиться в эволюции, и приводят в пример отличающихся «повышенным страхом смерти» кроликов,

которых почему-то этот страх не парализует. Кролики прячутся в укрытиях при малейшем шорохе, но все равно покидают их, когда актуализируются голод, жажда и др. Для критиков неясно, почему именно страх смерти у человека должен быть парализующим, ведь есть другие, более эволюционно важные угрозы, которые, однако, не вызывают «парализующего ужаса». К таким угрозам они относят угрозы воспроизводству типа невозможности найти партнера в детородном возрасте или оказаться бездетным. Более того, с их точки зрения, в эволюции не могло бы закрепиться каких-либо систем, тормозящих тревогу смерти только из-за того эмоционального дискомфорта, которым она сопровождается. Они указывают на то, что естественный отбор слеп к внутренним психологическим состояниям и чувствам и не заинтересован в том, чтобы сделать организмы счастливыми и удовлетворенными. И даже если бы тревога по поводу смертности была бы дезадаптивной, то естественный отбор создал бы для устранения вызываемого ею «паралича» более простые и эффективные решения. Естественный отбор консервативен, подчеркивают они, и вместо проектирования специальных систем защиты от тревоги смертности, которые потребовали бы бесчисленное количество генных модификаций, можно было бы просто «отщипнуть» немного у уже имеющихся систем. Например, можно было изменить систему регуляции рискованного поведения, снизив мотивацию к нему.

Создатели ТМТ совершенно не согласны с приведенными выше возражениями и убеждены, что тревога по поводу смертности является уникально дезадаптивной на том основании, что она возникает при осознании экзистенциального обстоятельства, которого нельзя избежать [36, с. 492]. При этом они указывают, что имеют в виду только ту тревогу, которая возникает в отсутствие реальной угрозы жизни, но — при разного рода осознании человеком своей смертной природы. Они также совершенно резонно замечают, что любая тревога может стать дезадаптивной, о чем свидетельствуют миллионы людей в мире, страдающих тревожными расстройствами [Там же, с. 493]. Что касается возможности закрепления в естественном

отборе такого дезадаптивного качества, как тревога смерти, то создатели ТМТ объясняют это при помощи понятия «обмен» (trade-off), взятого из современной эволюционной биологии. Например, в обмен на прямохождение человек получил болезни позвоночника, которые снижают его адаптивные возможности.

Третье направление критики связано с положением о защитной природе культурного мировоззрения. Это положение оспаривается на нескольких основаниях. Во-первых, как базирующееся на защитно-дефицитарной в ущерб проактивной стороне человеческой мотивации [48; 49], а во-вторых, как неверно интерпретирующее сущность культурного мировоззрения и мотивацию его защиты в ответ на различные угрозы, в том числе и угрозу смерти [35; 39]. Последнее опять-таки исходит от приверженцев эволюционной психологии. Так, Наваррети [39] приводит данные о том, что имеется большое количество культур, основанных на мировоззрении, которое не только не уменьшает тревогу смерти у своих членов, но даже увеличивает ее (например, кальвинизм или католицизм). Он также сообщает, что не обнаружил реакций защиты культурного мировоззрения в ответ на напоминания о смерти у костариканских испытуемых, но обнаружил его в ответ на напоминания о других угрозах (воровства личного имущества, социальной изоляции и т. п.). В связи с этим и для альтернативного объяснения других эмпирических данных, полученных в рамках ТМТ, была выдвинута концепция коалиционной психологии (coalitional psychology — CP).

Согласно концепции коалиционной психологии наиболее вероятно, что естественный отбор закрепил системы защиты прогрупповых норм для облегчения формирования близких отношений, коалиций и союзов. А коалиции полезны для получения поддержки в проблемных ситуациях, адаптация в которых в одиночку затруднительна, но становится более эффективной за счет поддержки со стороны коалиции, к которой принадлежит индивид.

В ответ на эти замечания сторонники ТМТ приводят множество аргументов в пользу своей позиции. Прежде всего они за-

мечают, что нигде не писали, что единственной функцией культурного мировоззрения является защита от тревоги смерти и что не отрицают, что оно способствует формированию и обслуживанию определенных социальных отношений [36, с. 496]. Но они не согласны с теорией коалиционной психологии потому, что с ее позиций невозможно объяснить некоторые факты, которые удастся объяснить с позиций ТМТ. Например, как можно объяснить тот факт, что в мировоззрениях всех существовавших и существующих культур всегда присутствует сверхъестественная измерение и что люди выражают свою про-групповую аффилиацию символическими способами, вовлекающими сложные системы веры? Если в какой-то местности поедание свинины чревато опасностью из-за большой вероятности ее заражения вредными бактериями, то зачем для предупреждения об этом необходимо вовлекать некий духовный смысл, а не объявить об этом прямо? И если функцией коалиций является облегчение генной репликации, то почему так часто во главе этих коалиций утверждаются пронационалистические лидеры, вовлекающие эти коалиции в изнурительные войны, и проигрывают лидеры, обладающие хорошими практически навыками для выживания и воспроизводства? Почему также, если основной эволюционной функцией коалиций является предоставление групповой поддержки, то в истории культур так часты различного рода культы лидера?

Что касается отсутствия MS-эффектов у костариканских испытуемых, то, по мнению сторонников ТМТ, прежде всего, единственный нулевой эффект по сравнению с сотнями противоположных данных еще ничего не означает. К тому же, есть много событий, которые так или иначе напоминают нам о смерти, о чем в рамках ТМТ накоплен существенный объем эмпирических данных. Так, в специальных работах было показано, что и другие, прямо никак не связанные со смертью угрозы увеличивают «доступность мыслей о смерти» (например, напоминание о физической природе тела, вызывающих отвращение стимулах, угрозе близким отношениям и др.). Возможно, если бы Наваррети применил для своих испытуемых разра-

ботанную в ТМТ процедуру проверки доступности мыслей о смерти после использованных им напоминаниях об адаптивных угрозах, то он обнаружил бы эту связь.

Несогласие сторонников ТМТ с альтернативными объяснениями их данных в рамках коалиционной психологии заключается также и в том, что в ней отклоняется модель дуальной защиты от тревоги смерти и не дается никакого альтернативного объяснения обнаруженным эмпирическим фактам.

Четвертое направление критики ТМТ адресуется положениям, связанным с *самоуважением*. Критика исходит от очень авторитетных в данной области фигур и касается прежде всего танатической подоплеки самоуважения. Так, Марк Лири (M. Leary), сформулировавший социометрическую теорию самоуважения [38], вслед за Кули и Дж. Мидом убежден в интерперсональной природе самоуважения и не находит в нем каких-то иных функций, кроме как измерения и оповещения индивида о том, насколько его принимают или отвергают другие люди. Согласно многим исследованиям известно, указывает М. Лири, что среди самоубийц чаще встречаются люди с низким самоуважением, а согласно логике ТМТ должно быть как раз наоборот. М. Лири провел целый ряд исследований и не обнаружил связи между самоуважением и тревогой смерти [37].

Р.М. Райян и Э.Л. Дисси (R.M. Ryan, E.L. Deci) в рамках своей теории самодетерминации находят, что, несмотря на внешние разногласия, ТМТ и социометрическая теория М. Лири схожи в своем понимании самоуважения как защитно-дефицитарного образования и абсолютизируют только один вид самоуважения — хрупкое, или условное самоуважение. Именно оно и является производным от защит, в то время как истинное — надежное, или безусловное самоуважение — производно от удовлетворения потребностей роста, к которым относят потребности в самодетерминации [48, с. 473]. Более того, они присоединяются к идущей вразрез с известным мнением А. Маслоу современной точке зрения о том, что вряд ли для человека естественна потребность в самоуважении [32]. Стремление к самоуважению рассматривается им как потребностный заменитель, скрывающий под собой иные потребности,

которые, будучи неудовлетворенными, находят такой способ разрядки. Это же замечание поддерживается и в работах Дж. Крокер и Н. Ньюер (J. Crocker, N. Nuer), которые, высоко оценивая новации создателей и сторонников ТМТ, считают недостаточно исследованными следующие моменты: 1) то, что у людей есть потребность в самоуважении, 2) что погоня за самоуважением является эффективным средством уменьшения тревоги, 3) что стремление к самоуважению помогает людям достигать важных целей, 4) что иметь или стремиться к самоуважению — единственный способ иметь дело с тревогой при достижении важных целей и 5) что смерть является реальной проблемой, управляющей стремлением к самоуважению [20, с. 1].

Крокер и Ньюер [Там же] указывают, что, несмотря на сотни эмпирических исследований, демонстрирующих тенденцию людей к расширению, укреплению и защите своего самоуважения, из них нельзя сделать однозначного вывода о наличии такой потребности: если люди часто делают что-то, это еще не значит, что у них есть потребность делать это. С точки зрения логики, выведение подобного заключения является переходом от описания к предписанию, что представляет собой необоснованный дедуктивный скачок.

Самоуважение также вряд ли стоит рассматривать как надежное средство для снижения тревоги вообще, считают они. Они приводят данные о том, что, стремясь повысить свое самоуважение, люди часто ведут себя самоубийственным образом и что мотивация к увеличению самоуважения скорее усиливает, чем снижает тревогу. В своих исследованиях они обнаружили, что, хотя достижение успеха в областях, поддерживающих самоуважение индивида, увеличивает позитивные аффекты и снижает негативные, включая и тревогу, это снижение негативных аффектов является временным и возвращается к базовому уровню уже через несколько дней [21]. Таким образом, увеличение самоуважения не может решить реальной проблемы смертности, оно дает лишь временный эффект подобно алкоголю и принятию наркотиков и потому требует

постоянных энергетических затрат и напоминает сизифов труд.

Ответа на отмеченные выше замечания от сторонников ТМТ пока не последовало, но его содержание легко можно предположить, исходя из логики рассуждений и интерпретации авторами своих эмпирических находок. Так, указание ими на защитный характер самоуважения не противоречит выводу о том, что его поддержание является «сизифовым трудом» — любая психологическая защита, в сущности, является таким трудом. Более того, в специальных исследованиях было показано, что испытуемые после MS могут поддерживать свое самоуважение таким способом, который логически не связан с проблемой смерти и даже противоречит ей. Например, если сразу после MS испытуемые не демонстрировали рост самоуважения и демонстрировали увеличение желания заниматься физкультурой и использовать солнцезащитные средства, то через некоторое время, после занятия какой-либо деятельностью, они демонстрировали эффекты защиты своего самоуважения и сниженное желание использовать солнцезащитные средства, если загар повышал их самоуважение [47].

Крокер и Ньюер далее не нашли в исследовательских работах по ТМТ доказательства о том, что единственным или даже основным основанием системы самоуважения является тревога смерти. Так, в одной из последних работ по ТМТ было показано, что люди, убежденные в некоторой форме существования после смерти, обнаруживают ослабление MS-эффектов [23]. С точки зрения критиков, это просто подтверждает, что MS-эффекты — результат озабоченности по поводу смерти. Снижает ли такая манипуляция самоуважение, к которому стремятся в ответ на другие события типа социального отвержения? Они считают, что если бы авторы проверили, стремятся ли к самоуважению люди, которые верят в загробную жизнь, то это было бы более убедительное доказательство их теории.

Пятое направление критики ТМТ исходит уже из самой экзистенциальной психологии и связано с онтологическим соотношением приоритетов проблем смысла и смерти в человеческом существовании, а

также с ролью в нем факта осознания индивидом собственной смертности. Так, авторы «модели поддержания смысла» (Meaning Maintenance Model — МММ) С.Дж. Хейне и К.Д. Вохс (S.J. Heine, K.D. Vohs) [32] в своих исследованиях пришли к выводу, что MS-эффекты являются скорее не проявлением двухкомпонентного буфера против тревоги смертности, но проявлением феномена *подвижной компенсации* в ответ на угрозы смыслу жизни индивида. В том же направлении адресует свои замечания и Р.Т. Вонг (P.T. Wong), последователь идей В. Франкла, получивший известность благодаря своей «теории управления смыслом» (Meaning Management Theory – ММТ) [51–53]. Он последовательно оппонирует ТМТ и доказывает, что поиск смысла так же, как и выживание, является первичной потребностью человека и в некоторых случаях может стать более сильным, чем стремление к выживанию. Например, в отдельных случаях потребности в самоактуализации и в самотрансцендировании могут стать выше и насущнее потребности избегать смерти. Более того, Вонг рассматривает смысл как более надежную защиту от ужасов жизни и смерти, который при этом еще и может вести к более продуктивной, исполненной и насыщенной жизни. Он обращает внимание на то, что экзистенциальная психология может быть негативной и позитивной в зависимости от того, как в ней трактуется влияние на человека онтологических «данностей» человеческого существования. Негативная трактовка представляет существование человека наполненным страхом и ориентированным на защитный стиль, позитивная же раскрывает возможность трансформации смыслов в системы взглядов, позволяющих человеку жить с принятием своей смертной природы и максимизировать радость и исполненность жизни. В своих исследованиях Вонг [51] обнаружил пять различных отношений человека к смерти, три из которых включают ее принятие. Он считает, что получил достаточный объем клинических и эмпирических доказательств того, что при определенных условиях человек принимает свою смертность, и это не лишает его жизнь смысла.

Обсуждение и выводы. Проведенный обзор позволяет заключить, что сформулированная Дж. Гринбергом, Т. Пицинским и Ш. Соломоном теория управления ужасом актуализировала очень важную проблему, решение которой имеет в первую очередь огромное теоретическое значение. ТМТ делает попытку по-новому концептуализировать социальную и личностную психодинамику, она способствует интеграции самых разнообразных научных областей и не может быть обойдена вниманием со стороны научного сообщества.

Наиболее спорным положением теории представляется исходная посылка о безальтернативно деструктивном значении тревоги смерти для жизни и развития отдельного индивида. Как уже отмечалось выше, эта посылка не совсем стыкуется с нарастающим объемом данных о функциональном потенциале тревожных состояний вообще [3; 35]. А если обратиться к экзистенциалистскому подходу, к приверженцам которого относят себя авторы теории, то становится очевидным, что они придерживаются сартровской [10] трактовки роли знания об аутомортальности в существовании человека, согласно которой смерть обесмысливает жизнь, ограничивая возможности самореализации человека. При этом они не принимают во внимание хайдеггеровской [11] позиции, которая наиболее последовательно поддерживается и развивается экзистенциальными психологами. С точки зрения этой позиции, влияние тревоги смерти на существование и развитие человека опосредствовано личностными ресурсами и может иметь конструктивный характер, стимулируя личностный рост и более глубокую осмысленность жизни (Д.А. Леонтьев [6], Р. Мэй [7], И. Ялом [14]). Эта позиция достаточно созвучна и субъектно-деятельностному подходу (К.А. Абульханова [1], Л.И. Анцыферова [2], А.В. Брушлинский [3], С.Л. Рубинштейн [9]), обосновывающему способность человека к самодетерминации и саморазвитию. Тревога смерти в таком контексте может рассматриваться как один из проявителей меры субъектной активности личности по отношению к самой себе.

Следует признать, что хайдеггеровская позиция по отношению к тревоге смерти в

эмпирическом плане исследована еще явно недостаточно. Необходимы всесторонние и детальные исследования в этом направлении, и в этом может быть использована безусловно интересная, хотя и не бесспорная, экспериментальная методология ТМТ. Экспериментальное индуцирование тревоги по поводу неизбежной конечности личного существования, возможно, может порождать как психозащитные, так и катализирующие личностный рост эффекты. В частности, интересно было применить эту методологию в контексте проблем психологии развития, в результате чего выяснилось, например, что индуцирование тревоги смерти у подростков может вызывать эффект усиления у них «чувства взрослости» [5].

На новаторство экспериментальной методологии ТМТ указывают даже критики отдельных положений теории. Полученные с ее помощью данные трудно уличить в недостоверности и ненадежности. И, хотя интерпретация получаемых данных остается очень уязвимой для скепсиса, предлагаемый авторами ТМТ подход стимулирует весьма продуктивные тенденции в современной психологической науке как самой постановкой проблемы и аргументацией, так и полемикой, развернувшейся вокруг нее.

Литература

1. Абульханова К.А. Рубинштейновская категория субъекта и ее различные методологические значения // Проблема субъекта в психологической науке. М.: Академический проект, 2000. С. 13-26.
2. Анцыферова Л.И. Психологическое содержание феномена «субъект» и грани субъектно-деятельностного подхода [Электронный ресурс] // Институт психологии РАН : [сайт]. 2006. URL: <http://www.ipras.ru/conf/ancif.htm> (дата обращения: 20.06.2014).
3. Астапов В.М. Функциональный подход к изучению состояния тревоги // Прикладная психология. 1999. № 1. С. 41- 48.
4. Брушлинский А.В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
5. Гаврилова Т.А., Швец Ф.А. Эффект влияния аутомортальной тревожности на подростковое чувство взрослости // Инновационный потенциал психологии в развитии человека: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. ВГУЭС 25-27 июня 2009 г. Владивосток, 2009, С. 100-103.
6. Леонтьев Д.А. Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 2. С. 107 - 119.
7. Мэй Р. Смысл тревоги / пер. с англ. М.И. Завалова, А.Ю. Сабуриной. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.
8. Прихожан А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. 2-е изд. СПб.: Питер, 2007. 192 с.
9. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. 400 с.
10. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. В.И. Колядко, М.: Республика, 2000.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
12. Щебетенко С.А., Ефимова Г.П. Восприятие иммигрантов и когнитивная нагрузка: вклад социальной желательности // Ананьевские чтения – 2008 «Психология кризисных и экстремальных ситуаций: междисциплинарный подход: материалы научно-практической конференции. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2008. С. 133-135.
13. Щебетенко С. А., Корниенко Д. С., Балева М. В. Психология когнитивных процессов. Смоленск: Универсум, 2007. С. 352-357.
14. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
15. Arndt J., Greenberg J., Schimel J., Solomon S., Pyszczynski T. To belong or not to belong, that is the question: terror management and identification with gender and ethnicity // J. Pers. Soc. Psychol. 2002. Vol. 83, № 1. P. 26-43.
16. Arndt J., Greenberg J., Cook A. Mortality Salience and the spreading activation of worldview-relevant constructs: exploring the cognitive architecture of terror management // J. Exper. Psychol. 2002. Vol. 131, № 3. P. 307-324.
17. Arndt J., Routledge C., Cox C.R., Goldenberg J.L. The worm at the core: A terror management perspective on the roots of psychological dysfunction // Applied and Prevent. Psychol. 2005. Vol. 11. P. 191-213.
18. Becker E. The denial of death. N.Y.: Free Press, 1973.
19. Becker E. The Birth and Death of Meaning. N.Y.: Basic Books, 1971.
20. Crocker J., Nuer N. Do people need self-esteem? Comment on Pyszczynski, et al // Psychol. Bull. 2004. Vol. 130. № 3 P. 469-472.

21. Crocker J., Nuer N. The insatiable quest for self-work [Электронный ресурс] // *Internation. J. Advanc. Psychol. Theory*. 2003. Vol.14, № 1. Mode access. URL: http://www.learnaslead.com/pdf/Psych_Inquiry02.pdf (дата обращения: 20.05.14).
22. Dechesne M., Janssen J., van Knippenberg A. Defense and distancing as terror management strategies: The moderating role of need for structure and permeability of group boundaries // *J. Pers. Soc. Psychol.* 2000. Vol. 79. P. 923-932.
23. Dechesne M., Pyszczynski T., Arndt J., Ranson S., Sheldon K.M., van Knippenberg A., Janssen J. Literal and symbolic immortality: The effect of evidence of literal immortality on self-esteem striving in response to mortality salience // *J. Pers. Soc. Psychol.* 2003. Vol. 84. № 4. P. 722-737.
24. Fessler D.M.T., Navarrete D.C. The Effect of Age on Death Disgust: Challenges to Terror Management Perspectives [Электронный ресурс] // *Evoluton. Psychol.* 2005. Vol. 3. P. 279 -296 // Mode access : human-nature.com/ep
25. Goldenberg J.L., McCoy S.K., Pyszczynski T., Solomon S., Greenberg J. The body as a source of self-esteem: The effect of Mortality Salience on identification with one's body, interest in sex, and appearance monitoring // *J. Pers. Soc. Psychol.* 2000. Vol. 79, № 1. P. 118-130.
26. Greenberg J., Porteus J., Simon L., Pyszczynski T., & Solomon S. Evidence of a terror management function of cultural icons: The effects of mortality salience on the inappropriate use of cherished cultural symbols // *Personal. Soc. Psychol. Bull.* 1995. Vol. 21. P. 1221-1228.
27. Greenberg J., Pyszczynski T., & Solomon S. The causes and consequences of the need for self-esteem: A terror management theory. // In R. F. Baumeister (Ed.). *Public and private self*. N. Y.:Springer-Verlag, 1986. P. 189-212.
28. Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S., Rosenblatt A., Veeder M., Kirkland S., Lyon D. Evidence for terror management II: The effects of mortality salience on reactions to those who threaten or bolster the cultural worldview // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1990. Vol. 58. P. 308-318.
29. Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S., Simon L., Breus, M. The role of consciousness and accessibility of death related thoughts in mortality salience effects // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1994. Vol. 67. P. 627-637.
30. Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T., Rosenblatt A., Burling J., Lyon D., Simon L. Assessing the terror management analysis of self-esteem: Converging evidence of an anxiety-buffering function // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1992. Vol. 63. P. 913-922.
31. Harmon-Jones E., Simon L., Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S., McGregor H. Terror management theory and self-esteem: Evidence that increased self-esteem reduces mortality salience effects // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1997. Vol.72. P. 24-36.
32. Heine S.J., Vohs K.D. The Meaning Maintenance Model [Электронный ресурс]: On the Coherence of Social Motivations. URL: http://www.psych.ubc.ca/~heine/docs/2006_mmm.rtf(дата обращения: 20.06.2014).
33. Heine S. J., Lehman, D. R. Markus, H. R.& Kitayama S. Is there a universal need for positive self-regard? // *Psychol. Rev.* 1999. Vol. 106. P. 766-794.
34. Jonas E., Schimel J., Greenberg J., Pyszczynski T. The Scrooge Effect: Evidence that mortality salience increases prosocial attitudes and behaviors // *Personal. Soc. Psychol. Bull.* 2002. Vol. 28, № 10 (Oct.). P. 1342-1353.
35. Kirkpatrick L.A., Navarrete C.D. Reports of my death anxiety have been greatly exaggerated: a critique of terror management theory from an evolutionary perspective // *Psychol. Inquiry.* 2006. Vol. 17, № 4. P. 288-298.
36. Landau M.J., Solomon S., Pyszczynski T. On the compatibility of Terror Management Theory and perspectives on human evolution [Электронный ресурс] // *Evolution. Psychol.* 2007. Vol. 5(3). P. 476-519 / URL: <http://www.epjournal.net/EPO5476519.pdf> (дата обращения: 20.06.2014).
37. Leary M.R. The Interpersonal Basis of Self-Esteem [Электронный ресурс]: Death, Devaluation, or Deference.URL: <http://www.sydney-symposium.unsw.edu.au/2001/downloads/LearyDraft2001.doc>. (дата обращения: 20.06.2014).
38. Leary M.R., Tambor E.S., Terdal S.K., Downs D.L. Self-esteem as an interpersonal monitor: The sociometer hypothesis // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1995. Vol. 68(3). P. 518-530.
39. Navarrete C.D., Kirkpatrick L.A. Anxiety and intergroup bias: Terror Management or Coalitional Psychology? // *Group process & intergroup relations*. 2004. Vol.7(4). P. 370-397.
40. Navarrete C.D. Death concerns and adaptive challenges: The effect of coalition-relevant challenges on worldview defense in US and Costa Rica // *Group process & intergroup relations*. 2005. Vol. 8 (4). P. 411- 427.
41. Navarrete C.D., Fessler M.T. Normative bias and adaptive challenges: a relational approach to Coalitional Psychology and a critique of Terror Management Theory // *Evolution. Psychol.* 2005. Vol. 3. P. 297-325. URL: <http://www.epjournal.net> (дата обращения: 20.06.2014).

42. Paulhus D.L., Trapnell P.D. Terror Management Theory: extended or overextended? // Psychol. Inquiry. 1997. Vol. 8 (1). P. 40-43
43. Pyszczynski T., Greenberg J., Solomon S. A dual process model of defense against conscious and unconscious death-related thoughts: An extension of terror management theory // Psychol. Rev. 1999. Vol. 106. P. 835-845.
44. Pyszczynski T., Wicklund R.A., Floresky S., Gauch G., Koch S., Solomon S., Greenberg J. Whistling in the dark: Exaggerated estimates of social consensus in response to incidental reminders of mortality // Psychol. Science. 1996. Vol. 7. P. 332-336.
45. Pyszczynski T., Greenberg J., Solomon S., Arndt J., Schimel J. Why do people need self-esteem? A theoretical and empirical review // Psychol. Bull. 2004. Vol. 130. P. 435-468.
46. Rosenblatt A., Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T., Lyon D. Evidence for terror management theory I: The effects of mortality salience on reactions to those who violate or uphold cultural values // J. Pers. Soc. Psychol. 1989. Vol. 57. P. 681-690.
47. Routledge C., Arndt J., Goldenberg J.L. A time to tan: Proximal and distal effects of mortality salience on sun exposure intentions // Personal. Soc. Psychol. Bull. 2004. Vol. 30. P. 1347-1358.
48. Ryan R.M., Deci E.L. Avoiding death or engaging life as accounts of meaning and culture: Comment on Pyszczynski et al // Psychol. Bull. 2004. Vol. 130. № 3. P. 473-477.
49. Ryan R.M., Deci E.L. The darker and brighter sides of human existence: Basic psychological needs as a unifying concept // Psychol. Inquiry. 2000. Vol. 11. P. 319-338.
50. Taubman Ben-Ari O., Florian V., Mikulincer M. The impact of mortality salience on reckless driving - A test of terror management mechanisms // J. Pers. Soc. Psychol. 1999. Vol. 76. P. 35-45.
51. Wong P.T.P. Meaning Management Theory and Death Acceptance [Электронный ресурс]. URL: // http://www.meaning.ca/archives/archive/art_MMT-death-acceptance_P_Wong.htm (дата обращения: 20.06.2014).
52. Wong P.T.P. Meaning in life and meaning in death in successful aging. // In A. Tomer (Ed.). Death attitudes and the older adult: Theories, concepts and applications. Philadelphia, PA: Bruner-Routledge, 2000. P. 23-35.
- Wong P.T.P. The challenges of Experimental Existential Psychology [Электронный ресурс]: Terror management or meaning management? URL: // <http://www.tyndale.ca/universitycollege/psychology/downloads/Terror-Management%20vs.%20Meaning-Management.doc>. (дата обращения: 20.06.2014).

УДК 159.923

Проблема развития личности руководителя как субъекта профессиональной деятельности

Е.В. Фалунина^а, В.Ф. Фалунин^б

Братский государственный университет, ул. Макаренко 40, Братск, Россия

^аfalrunina.elena@yandex.ru, ^бsvoi41@yandex.ru

Статья поступила 15.11.2014, принята 9.12.2014

В статье даются описание и теоретическое обоснование таких понятий, как «субъект взаимодействия» и «субъектность личности». Дана характеристика человека как субъекта трудовой активности, выделены некоторые аспекты успешности профессиональной деятельности управленца.

Ключевые слова: субъект и субъектность личности; человек как субъект труда; аспекты успешности профессиональной деятельности в управлении.